

ЕВГЕНИЙ ПЕККИ

Опаленные войной

РАССКАЗЫ

Евгений Пекки
Опаленные войной

«Издательские решения»

Пекки Е. А.

Опаленные войной / Е. А. Пекки — «Издательские решения»,

«Опаленные войной» — это рассказы о судьбах людей, оказавшихся в огне Великой Отечественной войны в Карелии и под Сталинградом. Основываясь на воспоминаниях ветеранов и документах последних лет, автором в остросюжетной форме раскрываются малоизвестные события той поры, когда чувства обостряются до предела и разделяют людей на своих и врагов. В книге использованы фотографии архивов МО СССР.

© Пекки Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Граната для капитана Пернонена	6
Встреча	7
Новый порядок	9
Предателями не рождаются	12
Возмездие оккупантам	15
Возвращение	20
Эпилог	21
В прицеле	24
Детство кончилось	25
Другая жизнь	28
Снайпером быть интересно	30
Жизнь фронтовая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Опаленные войной
рассказы
Евгений Александрович Пекки

© Евгений Александрович Пекки, 2015

Редактор Владимир Павлович Судаков

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Граната для капитана Пернонена

Мелкий морозящий дождь почти полностью скрывал гулкий рокот бронекатера, который шел на малых оборотах со стороны Пудожа, огибая с севера Кижские шхеры. Он был почти не различим в тумане. За бронекатером на пеньковом канате следовала, подлетая на волнах, деревянная лодка-кижанка. С кормы за ней наблюдали трое в зеленых брезентовых плащ-палатках. Старший лейтенант НКВД Орлов теперь был войсковым разведчиком. Не первый раз его с товарищами забрасывали в тыл врага. С палубы стали различимы очертания берега и судно застопорило ход. Трое разведчиков спустились в лодку. Бронекатер, развернувшись, исчез в тумане, а лодка под веслами, которыми бесшумно гребли двое, ходко пошла в сторону берега.

Встреча

На краю Заонежского поселка с немудрящим карельским названием Ламбас-Ручей из старой бревенчатой баньки, всюду валит дым из-под крыши. Банька, что стояла вплотную к озерной воде, топилась по-черному, а нагреть ее нужно было, как следует. Василий Грибанов дровишек не жалел. Он подбрасывал их в топку с удовольствием покуривая самокрутку. В конце октября 1943 года не самое веселое время было в Карелии. Однако, когда тебе всего двадцать пять лет, то в жизни всегда находятся приятные моменты.

Все в этот день вроде складывалось удачно. С утра, правда, пришлось немного потрудиться. Наколол Вася дров для бани и в избу, картошки вытащил два мешка из погреба, куриц накормил, поросенку хряпы капустной навалил да навоз вынес. Вспомнил, что комендант еще вчера велел рыбы на уху к нему доставить. Пришлось со стариком Оятевым грести на лодке по озеру с полверсты. Сетки пока нашли, потом поехали, а потом против ветра гребли уже к дому – часов больше трех прошло. Застыли оба. Улов оказался невелик. Щучка попала да два налима, а еще с два десятка окуней, которые в корзине били хвостами и ярко сверкали красными плавниками. Оятеву за помощь он отсыпал десяток окушков на уху, остальное оставил в тазу, в холодном чулане родительского дома. Застынув на Онеге, самое время было баньку затопить, суббота все-таки.

Вода в большом чугунном котле по краю уже начинала пузыриться, когда Василий, с удовольствием потягивавший самокрутку с настоящим листовым табачком, услышал легкий скрип и неспешные шаги по доскам, что вели к бане от дома.

– Кого это несет нелегкая? – промелькнуло в его голове. – Мать так не ходит. Да и с чего бы ей из дому допережь меня в баню идти? Она, поди, из налимчика рыбак сейчас в печку ставит, да калитки картофельные. Старик Оятев мог, конечно, притащиться, но вроде только ушел и при ходьбе его частый кашель за версту слышно. Солдаты финские и полицаи, те сапогами топают, гремят, меж собой вслух разговаривают, а по одному не ходят. Не наш человек идет.

Шаги приближались почти неслышно, хотя чуткое ухо Грибанова, привыкшего скрадывать дичь, различало их, несмотря на шуршание веток, колыхавшихся на промозглом ветру и перебрех собак на дальнем конце деревни. Затем закрипели петли входной двери. «Хорошо, что не смазал, – подумал Василий, тихо пододвигая к себе лежащий на полу топор».

– Не дури, топор оставь, – вдруг услышал он негромкий, но уверенный голос, – сиди, как сидел. Шуметь не надо, убью сразу.

– Да, я сию, – отозвался он осторожно поворачивая голову в сторону приоткрытой за его спиной двери. В ее проеме, на фоне ясного неба, которое уже начинало темнеть от надвигавшихся сумерек, стоял плотный мужчина в телогрейке защитного цвета и кирзовых сапогах. В руке у него поблескивал пистолет.

– Я погреюсь тут с тобой немного. Ты не против?

– Да, что Вы, Алексей Михайлович! Когда я был против?

– Кто такой Алексей Михайлович? – сурово спросил гость.

– Дак Вы и есть участковый наш, Орлов. Неужто, меня не помните?

Парень не ошибся. Действительно это был бывший участковый уполномоченный, который знал эти места как свои пять пальцев. В его ведение входили и Кижы, и Сенная губа, и Леликово, что были в нескольких километрах отсюда. От баньки Грибанова двадцатидвухглавый Кижский собор, хорошо был с берега виден, особенно на закате, в ясную погоду.

– Вы же меня к себе вызывали, когда мы лошадей колхозных запрягли без спроса и на танцы в Липовицы ездили. Грибанов я, Василий, вспомнили теперь?

– Помню, был такой. А что ж ты не в армии? Годов уже тогда тебе больше всех было, ты же сбаламутил пацанов на танцы ехать.

– Видать не все вы помните. Я ведь с шестнадцати годов хромаю, как лемехом от плуга ногу повредил. Не годен я. Не взяли.

– А эвакуироваться почему не стал?

– Мать же у меня в годах уже, а тогда и бабка жива была. Куда им ехать? А тут дом хозяйство. Кто же за ними всеми смотреть станет? Без меня им погибель. Опять же и не успели мы. Пароход только до Сенной Губы дошел, а нам пока сообщили, пока мы туда на лодке гребли, он уж и уехал. Да, слышать, и разбомбили его по дороге в Вытегру. Может так он и к лучшему, что мы на него не попали.

– Так все трое вместе и живете?

– Бабку прошлой весной схоронили.

– А финнов на постой к вам не поставили?

– Не-е-е. Два офицера с денщиками по домам живут. Солдаты в школе. Комендантом у нас капитан Ойво Пернонен. Он в клубе обосновался. Там у него и спальня, и кабинет, а в двух задних комнатах четверо полицаев живут. У них отдельный вход и дверь в кабинет капитана есть.

– Как ты все подробно знаешь...

– Приходилось бывать.

– Постой-ка, Васька, ты тут не старостой, случайно?

– Нет, усмехнулся Грибанов – молод я еще. Меня только бригадиром на полевых работах поставили.

– Ага! – потемнело от гнева лицо Орлова. – Перед оккупантами прогибаешься!

Щелкнул взведенный курок «ТТ». Парень оценил этот звук правильно и, вскочив, прижался спиной к стене. Орлов, в полутьме увидел, как побледнело его лицо.

– Что Вы! Товарищ, Орлов! Я что, сам себя, что ли назначил?

– Заслужил, значит, уважение финских властей?

– Нет! Я, можно сказать, от их властей потерпевший.

Васька скинул телогрейку, сдернул с себя рубаху и повернулся спиной к Орлову. Тот увидел, что вся спина у Грибанова была исполосована. Шрамы были уже давние, но хорошо заметны. Орлов опустил пистолет.

– За что же, тебя так? – уже миролюбиво спросил он.

– Вот за это, – сквозь слёзы пробормотал парень, – не хотел в бригадиры идти.

– Однако, – разведчик мягко спустил курок и вложил пистолет в кобуру.

Пар от его одежды уже перестал идти, видно подсохла. Да и сам он, похоже, согрелся.

– Не всем, значит, сладко под финнами живется? А некоторые еще советскую власть хаяли.

Грибанов задумался. У него в памяти как в кинематографе начали возникать картинки из чуть более двух лет прожитой им в оккупации жизни.

Новый порядок

А было так. Последняя баржа, забрав остатки представителей советской власти и жителей окрестных деревень, тех, что успели на нее сесть, ушла, влекомая старым буксирным пароходом, к Свири, оборонявшейся от наступающего врага. В Заонежье наступило необычное затишье. Казалось, даже собаки предпочитают лежать, под домом, а не облаивать таких же дворняг или гуляющих овец.

Однако на утро кое-кто опомнился. Коли власти нет, значит все можно. Оставшиеся в Ламбас-Ручье жители начали растаскивать по домам то, что еще вчера было общественным. Коров всех угнали для поставок мясозаготовок Красной армии еще недели за две до эвакуации. Расхватывали сельчане оставшихся лошадей, упряжь, плуги, сенокосилки, подборщики и всякий другой сельхозинвентарь. Васька поздно вато схватился. Досталась ему только почти новая тачка, пара лопат и вилы, да из сельсовета пара табуреток. Красивая, шелковая, красная скатерть с вышитыми портретами вождей, которая ему так нравилась, досталась Марфе Патраковой.

На следующее утро, к ним в деревню вошли финские войска. Точнее сказать, это был батальон, который распределили по всему Заонежью, создав укрепрайоны, как у них в поселке а, где деревни были поменьше оставили полевые заставы, с численностью солдат в десяток или немного больше.

Среди дня всех жителей созвали на площадь, где раньше проходили первомайские и ноябрьские демонстрации. С трибуны через переводчика всем представили коменданта гарнизона капитана Пернонена и назначили старосту. Им стал Петр Шпаликов, мужик в их деревне пришлый. Привезла его Богданова Марья перед финской войной, когда с курсов животноводов приехала из Медвежьегорска. Оказалось, что познакомиться и расписаться с этим мужиком она успела за три месяца, пока на учебе была. Он был откуда-то из-под Твери. Осужденного в ходе коллективизации как подкулачника, его освободили через три года за ударный труд на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Так при канале он в ремонтниках и остался.

Объявили всем, сельчанам, что вольница кончилась. Все, что жители растащили из колхоза, необходимо было вернуть финским властям, а так же выйти на полевые работы к семи утра. Составили списки. От работы освободили только совсем старых, да еще безногого инвалида Егорыча, что ковылял на костылях уже почти тридцать лет, покалеченный осколком немецкого снаряда в Первую мировую в Галиции. На следующее утро половина из тех, что должны были идти на уборку овощей, в семь утра к сельсовету не пришли: кто решил дома в постели поваляться, а кто свою скотину обиходил.

Стоял редкостно теплый, погожий сентябрьский день. Комендант, увидев, что работы не начались, рассвирепел и отдал команду вновь собрать на площади всех сельчан. Четверо полицаев и десяток солдат в течение часа всю деревню перевернули, а потом, подгоняя замешкавшихся прикладами винтовок и плетками, собрали волнующуюся толпу на площади. По приказу коменданта тех, кто не явился, отделили от остальных и всыпали плетей, разложив прямо посреди площади на скамейке: мужикам по десять, бабам по пять. Только последних не заставляли заголять спину. Досталось десять горячих и Ваське, который не любил никакой порядок. Вздумавшую, было, возмущенно кричать толпу, комендант быстро успокоил длинной очередью в воздух из автомата «Суоми», после чего, на площади воцарилась гнетущая тишина.

– Я не привык отдавать свои распоряжения по одному поводу два раза, – объявил он через переводчика. – К тем, кто не понял сегодняшнего урока, будут применены меры более жесткого воздействия. Вы утратили при Советах чувство ответственности, у вас нет дисциплины и совести. Придется снова учиться. В Финляндии нельзя отлынивать от работы, нельзя

уклоняться от приказа, нельзя воровать. Завтра я вывешу список наказаний за ваши нарушения. Сегодня до обеда предлагаю сдать все, что вы похитили в колхозе, а так же все имеющееся у вас оружие и радиоприемники.

К обеду у дверей сельсовета было выставлено несколько старых, помятых ведер, пяток старых лопат и одна телега, с кусками навоза, засохшего на осях, года три назад. Возле всего этого имущества стояла старая, гнедая с седой шерстью на спине, кобыла Карька, лениво отгонявшая хвостом зеленых мух.

Комендант, выйдя на площадь, понял сразу, что его указание опять проигнорировали. На этот раз он решил действовать не в лоб, поскольку понимал, что хитрые крестьяне спрятали добро так, что можно год искать пока все не перевернешь. Если начать их трясти, то при этом все будут клясться, что имущество им по наследству от бабушки досталось.

По домам пошли староста и два полица с ним. Полицай были не из местных. Капитан Пернонен, наслышан был, что такое в России круговая порука и кумовство. Полицаяев он привез с собой. Кто был из-под Олонца, кто пряжинский, а один и вовсе из Юмы. Все они говорили по-карельски и финский тоже хорошо понимали. Главное, что в этих краях ни друзей, ни родных у него не было.

Тактика представителей новой власти была весьма проста. Они заходили в избу и вели мирную беседу с хозяевами, говорили за жизнь, расспрашивали, как им жилось при советской власти, что было хорошего, а что плохого. Больше расспрашивали о соседях: кто в активистах ходил, а кто в семье «врага народа» оказался. У кого дети в Красной армии служат, кто из родни судимость имеет и за что. Всё это староста тщательно брал «на карандаш», делая записи в толстой амбарной книге. Сейчас бы это назвали «подворный обход с разведпросом». Беседа всегда заканчивалось миролюбиво, на дружеской ноте.

– Я вижу, что вы люди добрые и против новой власти ничего не имеете.

Еще в Святом писании сказано – «Всякая власть от Бога!» У вас сейчас эта? Вот и уважайте ее, а она вас отблагодарит. Мы знаем, что вы честные крестьяне и ничего себе из колхозного имущества не взяли. Жаль, что не все в деревне у вас такие. Вот, к примеру, Степану Окушкову конь достался, а Татьяне Ойнонен – плуг новый. А они говорят, что это вы награбленное на себе унести не могли, так на телеге увозили. Не припомните, кто действительно имущество себе забрал?

Частенько после такого обращения кое-кто из крестьянок в сердцах выпаливал: «Это мы-то на возу вывозили? Да у нас и телеги нет. Всей и прибыли-то вон корыто для свиней, да веревки моток. Совести нет совсем у Татьяны. Она, кроме плуга, еще два мешка семенного ячменя утащила, да овцу. А мы люди честные».

Так, обойдя за три дня весь поселок, староста получил полную картину у кого и что именно следует искать. Следующий рейд по избам, проведенный комендантом с подачи старости, был уже более жестким. Он больше походил на облаву. Всем жителям посёлка в воскресенье было предписано оставаться в домах, ни в лес, ни в озеро не выезжать и не выходить. После этого. Разбившись на четыре команды, полицай при поддержке финских солдат, на телегах запряженных лошадьми, со списками в руках, заезжали в каждый дом поселка и вывозили оттуда, колхозный инвентарь, зерно, картошку и овец. Их почему-то в пользу Красной армии не реквизируют. Видно, не было соответствующего приказа и они голодным стадом болтались три дня по поселку, пока их не разобрали жители. Теперь настала пора этим овцам послужить провиантом для финской армии. Финны вернули не только все колхозное, но и еще дополнительно изъяли и зерно, и картофель, прежде всего у тех, кто имел в родне красноармейцев и не успел эвакуироваться. Плачь и вой стояли по всему поселку, пока акция не закончилась. Того, кто пытался цепляться за имущество, приводили плетками в почтительное к властям состояние. Забрали они с собой и жену политрука Алексеева, вместе с малолетней дочерью. Дом заколотили досками, а их, посадив на телегу отвезли в Кяппесельгу, где стоял финский

гарнизон. Больше в поселке их никто не видел. Потом прошел слух, что их определили в разные концентрационные лагеря.

Предателями не рождаются

Начались полевые работы. Сентябрь был теплым и овощи в полях стояли необранные. Успели только рожь, ячмень, да горох скосить, картошку только начали копать, а морковь, свекла, турнепс, и брюква так и остались в колхозных полях. Пернонен со старостой назначали звеньевых и установили норму вывоза овощей в закрома. Пока норму не сделаешь, уходить домой было запрещено.

Для помощи в уборке полей из бывшего Медвежьегорска, переименованного финнами в Кархумяки, привезли два десятка молодых девушек. Это староста Пернонену посоветовал. «У коммунистов, – доказывал он, – если колхозники урожаем убирать не успевают, то привлекают студентов и школьников. Наверняка в Кархумяки много есть безработного населения, вот и помогли бы нам. А то с такой рабочей силой мы тут до „белых мух“ не управимся».

Финскому капитану эта идея понравилась и он позвонил своему начальству. Вскоре приехал большой финский грузовик, покрытый брезентом, а в нем полный кузов русских девушек. Расселили их в трех домах. В том, что остался от Алексеевых и еще в двух, откуда все в эвакуацию выехали.

Через неделю, капитан разрешил им в воскресенье устроить баню и даже танцы под патефон организовал, и пластинки дал с финскими песнями. Пришел туда и Васька. Шюцкоровцы, разгоряченные самогоном, всю отплясывали с девчатами задорную финскую польку. С его хромотой, танцевать, как это делали они, у него не получалось. Зато одна из девушек согласилась, чтобы он ее до дома проводил.

– Пойдем со мной, – горячо шептала она, – а то Матти, черт старый, пристал. Пока танцевали, всю облапал, а на крыльцо вышли, так все щеки облизывал. Самому лет пятьдесят, наверное, чесноком воняет. «Каунис нейти. Ракос тютти¹», – передразнила она его.

Когда, дошли до дома Алексеевых, где жила Нина, то с разговорами как-то незаметно, у него вдруг возникло желание обладать ею.

– Может, в баньку пойдем, посидим, холодно уже, – предложил он, – а то, у вас в избе твои же подружки и поговорить нам не дадут.

Дело молодое. Вскоре они уже всю целовались в неостывшей еще баньке. В этот же вечер Ваське посчастливилось и мужчиной стать. Домой он, крадучись, пришел только под утро: комендантский час все-таки. После сигнала отбоя, который подавали полицаи, звеня молотком по подвешенной рельсе, хождение в поселке запрещалось.

Утром мать едва растолкала его, чтоб на работу не опоздал. В течение дня распогодилось. Девушки убрали из-под плуга свеклу. Васька ездил на лошади и укладывал в телегу полные мешки, потом свозил их под навес. Разгрузив, очередную телегу, ему вдруг так захотелось передохнуть, что сил больше не было. Да и что могло случиться, если он минут пятнадцать посидит в холодке?

Очнулся он от ожегшего его удара плетью и отборного мата старосты.

– Это ты так работаешь на благо Великой Финляндии? – орал тот, охаживая Ваську плетью.

Плеть у старосты была особенная, не как у полицаев или финнов. Сделана она была из стального тросика в пол пальца толщиной с шариком на конце.

– Запорю убудок, саботаж развёл! Не дай Бог, план не исполнишь...

Ключья рубахи на спине Васьки были все в крови, когда он потерял от боли сознание. Очнулся он, от новой боли, которая возникала и постепенно стихала. Это Нина прикладывала к его исполосованной спине нарезанный ломтиками молодой картофель. Домой он ехал уже

¹ Красивая девушка. Любимая девочка (фин.)

в сумерках, выполнив задание полностью. Возле дома его поджидал староста: «Не вздумай завтра опоздать».

На следующий день староста опять верхом явился в поле, уже с утра. Он собрал крестьян и бригаду девушек из Медгоры и объявил им: «С сегодняшнего дня звеньевым у вас будет Василий Грибанов. Передаю ему всю полноту власти, а если дневное задание по уборке не выполните, пороть его буду вместе с вами. Так что, Васька, старайся, да кнутом вразумляй нерадивых почаще».

Он захохотал, очевидно, довольный своим решением, а новоиспеченного звеньевого прошиб холодный пот. Вскоре Грибанов вошел в роль. Он вдруг ощутил, что от него реально зависит судьба людей. Когда ему кто-то начинал перечить, то получал от него дополнительные задания. Пацанов и девчат он мог уже огреть кнутом просто так, проходя мимо. А старшую из медвежьегорской группы, когда она назвала его держимордой, отхлестал кнутом при всех. Встречи с Ниной прекратились. Она высказала ему презренье из-за его новой должности.

«Ну, и черт с тобой!» – выругался в сердцах Васька, и вечером пригласил зайти к нему в баньку разбитную девицу Валю, лет двадцати пяти, из их же группы, с которой они время провели не без приятности.

Недели через две Грибанова уже назначили бригадиром, а эта должность уже оплачивалась. Получив в первый раз за месяц двадцать марок из рук коменданта, Василий долго разглядывал незнакомые на вид финские купюры, дивясь тому, что на одной из них были нарисованы голые люди.

Когда уборочная была закончена, староста подал коменданту Пернонену новую мысль. Девушек не нужно возвращать в Медвежьегорск в их семьи. Финляндия сейчас нуждается в рабочей силе. Финские парни все воюют против Советов, вот пусть советские девушки заменят их на хуторах. Пернонен позвонил начальству и вскоре большой грузовик увез девушек в сторону Йоэнсу. В тот день Грибанова комендант вызвал к себе и вручил ему десять финских марок. Парень стоял, растерянно разглядывая синие бумажки, а, присутствовавший при этом староста, одобрительно заулыбался,

– Бери, бери. Заслужил. Чем мне новая власть нравится, так это тем, что ценят они нужных людей. Это не при Советах.

Василий понял, что староста тоже получил вознаграждение и вовсе немалое.

Вскоре наступила зима. Староста сколотил бригады по заготовке леса. Финны пригнали десяток лошадей и крепкие сани для вывозки бревен. Каждый день жители поселка уходили на делянку на валку леса и возвращались затемно. Из поселка отлучаться можно было только с личного разрешения коменданта. Вот как-то в воскресенье, по морозцу финский патруль наткнулся на след, который уходил в лес и затем вернулся опять в поселок. Более детальное обследование показало, что в трех километрах от Ламбас-Ручья кто-то охотился. Были найдены две гильзы и птичьи перья. След в поселке затерялся. Староста вызвал Грибанова и сказал:

– Сроку тебе два дня. Чтоб этот охотник был у нас в комендатуре.

– Да, где я его возьму? – взмолился Васька.

– Плетки получишь! Не зли меня!

Ваську аж передернуло от воспоминаний об этом предмете.

Ему не нужно было дом за домом обходить всю деревню. Он всё прикинул сразу: «Охотников в поселке до войны всего было восемь. Двое в Красной армии. А семьи эвакуированы. В трёх домах одни бабы – эти не пойдут. Старик Игнатьев свое ружьё сдал, когда полицаи по домам имущество колхозное искали. Две семьи остается: Никоновы, да Гоккоевы. Проявят себя, никуда не денутся», – думал он и кружил у этих домов, внимательно приглядываясь и принюхиваясь ко всему. Заходить не хотел, чтоб не спугнуть. Рано утром второго дня, заме-

тил он, наконец, как лохматый пес Гоккоевых по кличке Тарас, грызет замерзшую глухариную голову, очевидно, кем-то зарытую и добытую им из-под снега.

«Этот пёс на свою территорию других собак не пустит, да и они его тоже», – соображал Грибанов. – Значит, свои отходы от птицы Гоккоевы и закопали. Ружье их пацан Степка вряд ли дома держит, чтобы иметь возможность отбрехаться, не знаю, мол, откуда что взялось. Сам в дровянике, небось, ружьишко прячет.

Поспешать, однако, надо», – и Грибанов заторопился к старосте в дом.

– Вот это дело, – обрадовался тот, когда Васька изложил ему свои соображения, – на, вот, выпей. – Он налил ему полстакана самогона и дал лепешкой закусить.

Пошли в комендатуру. Комендант дал старосте в помощь четырех полицейев. Грибанов упал на колени и упросил, чтобы ему при обыске не присутствовать. Комендант согласился и выплатил ему двадцать марок. Через час полицейии приволокли в комендатуру избитого до полусмерти Степку и изъятую старую берданку с патронами. Подростка кинули связанного в сани и увезли в Кяппесельгу.

Позднее, бабку, Мехнину Агафью, Василий сдал коменданту уже почти из любопытства: «Заплатят за это или нет?» Та хранила за божницей, вырезанный из журнала «Огонек», портрет маршала Сталина, вождя всех трудящихся. Временами она молилась сразу обоим Николе Угоднику и Отцу народов, Свято веря, что молитва ее будет услышана и Красная армия одержит победу над супостатами, а, значит, внуки домой вернуться. Померла бабка через неделю после финских плетей, когда полицейии при обыске ненавистный им портрет нашли. Грибанову выдали всего пять марок за нее. Потом он еще другие мелкие услуги оказывал. То старосте расскажет, кто плохо о финских властях отзывается, то поведает, что из молока, надоенного от коровы, которую финским солдатам привезли из Эссойлы, доярка Марфа утаила пол-литра молока для детей.

Финны и, правда, платили за информацию исправно. Неплохое это было подспорье к его бригадирской зарплате. Можно было теперь и конфетами побаловаться и маслица сливочного заказать. Все это полицейии исправно привозили ему из Великой Губы или из Медвежьегорска, где работали лавочки, открытые властями и продававшие товары за марки. Наказание же для жителей поселка было неотвратимым, исходя из содеянного.

А вот сегодня в баньку к нему должна была прийти вдова, двадцати семи лет, Петрушова Марья. Он ее застал с сумкой свеклы, взятой из финского хранилища, где она работала на переборке овощей. Правда, он пообещал финнам об этом не сообщать, если она будет разговорительной и ласковой с ним...

И тут черт принес этого Орлова.

Возмездие оккупантам

Все это промелькнуло у Васьки в голове почти мгновенно.

– Господи, да что за времена настали? Финны пришли: чуть-что, плети да концлагерь. Свои придут, пистолетом в нос тыкают, – со слезой в голосе начал он канючить. Завершил свою жалобу он фразой, передразнивая персонаж из кинофильма «Чапаев», который привозили к ним в поселок: «... и куды же бедному хрестьянину податься?»

– Да, ладно, себя-то жалеть. Другие кровь на фронте проливают, а не финские закрома набивают. Когда наши придут, со всех спросится: «Что ты для победы сделал?»

– Вы, я так понимаю, в партизанах нынче состоите?

– Вроде того...

– У нас остановитесь или дальше свой путь продолжите?

– Меньше будешь знать, лучше будешь спать. Да и мне спокойней будет.

– Я ведь только к тому, что устали вы с дороги, может, переночуете? А завтра уж с новыми силами, куда вам там надо...

– Некогда отдых разводить. Своего кума, Мунакова Петю, хотел я в Великой Губе навестить, да там может и отдохнуть, денька три-четыре. Ну, веди в избу.

Васька подкинул еще несколько полешек под котел и они пошли с незванным гостем в избу, что была на горушке. Когда они вошли в дом, две тени из-за кустов незаметно прошмыгнули в баньку.

Нагнув голову, чтобы не зацепить притолоку, Орлов шагнул вслед за Грибановым в горницу и окунулся в тепло деревенского дома. Маленькая, сгорбленная женщина в белом платке, хлопотала у русской печки, из которой доносился дух только что испеченного пирога. Орлов сглотнул голодную слюну.

– Здравствуйте, – сказал он ей, снимая шапку.

– И тебе, милок, не хворать, – неласково буркнула старушка, и, не обращая внимания на гостя, спросила у сына: «Это ты кого, Василий в дом привёл?»

– Да, наш это, свой значит..., – начал мямлить тот в ответ. – Вот поужинаем и уйдет...

– Что-то я среди своих такого не припомню. Не боишься финской плетки из-за этого гостя? – пробурчала она, зыркнув глазами.

– Ну, проходи, коли пришел. Я на стол собирать буду.

Запалив керосиновую лампу, висящую над столом, она поставила табуретку, стукнув ее об пол, потом на всех окнах задернула занавески. Выставила на стол из печки закопченный чугунок с картошкой «в мундире». Сын сбегал в кладовку и принес оттуда соленых грибов и капусты. Хлеб своей выпечки он нарезал крупными ломтями.

– Садись, отведай, чем Бог послал.

Орлов, сбросив телогрейку, подсел к столу.

– Что, торопишься сильно? – взглянула ему в глаза, карелка.

– Да не так чтобы уж очень, – уклончиво ответил разведчик, – с чего Вы взяли?

– Сапоги не снял, а к столу сел. Или не уважаешь нас, или боишься, что некогда будет сапоги одевать. Ну, Бог тебе судья, – перекрестилась она, повернувшись к иконе с коричневым изображением Николы Угодника, возле которой теплилась лампадка.

«Что про Москву слыхать?» – вдруг спросила она, когда Орлов, наскоро перекусив, запивал чаем кусок рыбного пирога.

Он чуть не поперхнулся. Рука привычно потянулась к кобуре.

– Ты ведь, оттуда? – кивнула она головой на шумевшее за окнами штормовое Онежское озеро.

– Стоит Москва, – буркнул Орлов, натягивая телогрейку, – и стоять будет.

– Ну-ну, спаси ее Господь. Калиток вон возьми на дорогу, – Василий, дай тряпицу. Сын ее поспешно достал с лежанки кусок чистой холстинки, а старушка ссыпала в нее все из тарелки, ловко завернув, и протянула Алексею.

– Ступай мил человек. Не поминай лихом. Не нужно у нас оставаться, беда будет.

– Есть у меня, где ночевать, – отозвался тот, пряча в вещмешок угощение.

– Василий, – проводи гостя.

Старушка вслед его перекрестила и закрыла дверь. В сенях Орлов остановился.

– Вот что, хватит отсиживаться! Любовь к Родине доказывать нужно. Проводишь меня к коменданту.

– Ладно. Мне всё равно к нему идти. Он рыбы просил ему на ужин занести.

– А рыба-то есть?

– Я уже приготовил.

– Ну, пошли. Только чтоб поменьше народу нас видело.

– Темно уже, если и заметят, не поймут. Только торопиться надо. В девять вечера комендантский час начинается. Полицаи могут обход сделать.

Василий взял берестяную корзину с рыбой, и они пошли вдоль домов, в которых где горел свет керосиновой лампы, а где и теплилась лучина. За ними выскользнули две тени и последовали поодаль в ту же сторону. К дому коменданта Орлов и его проводник подошли со стороны сарая. В доме, в каждом окне горел свет и освещал двор. Только за сараем была длинная тень.

Орлов остановился:

– Хорошая позиция. Обе двери видно. Значит так. Заходишь к коменданту, отдашь ему рыбу, осмотришь как обстановка, нет ли с ним полицаев и быстро обратно. Не торчи там.

– Ладно, – Грибанов скрылся за дверью.

Потянулись минуты томительного ожидания. Две темные тени вплотную приблизились к Орлову.

– Что там вокруг, хлопцы?

– Тихо все. Никого не встретили.

– Скоро Грибанов выйдет, тогда и определимся, что дальше делать.

Между тем Василий вошел в кабинет коменданта и протянул ему корзинку.

– Рыбы вот принёс, как Вы велели.

Ойво Пернанен сидел за двухтумбовым дубовым столом. Он пил кофе из большой чашки, наливая его из высокого никелированного кофейника, который стоял на специальной подставке со спиртовкой, чтобы кофе можно было подогревать, не убирая его со стола. Лицо его и лоб с глубокими залысинами покраснелись. Видно было, что финский офицер только что пришел из бани. Он сидел в галифе на широких подтяжках, а форменный китель его висел на спинке стула.

– Тулэ тынне², – подозвал его к себе капитан и заглянул в корзинку. – Ou! Kala! Huvä, rajon kiitos³.

Он постучал ладонью по двери у себя за спиной: «Микко! Тулэ тынне!».

Вошел усатый полицай с нашивкой на рукаве. Комендант сунул ему в руки корзинку с рыбой. Тот заглянул в нее и, сказав: «Уммерта, херра каппитани. Я понял Вас», – вышел из комнаты обратно, плотно закрыв дверь.

Пернанен достал из бумажника пять финских марок и, вручив Грибанову, сделал ему знак рукой, чтобы тот уходил.

---

² Иди сюда (фин.)

³ О! Это рыба! Хорошо! Большое спасибо!

– Пальон киитос, херра каппитани⁴, – поблагодарил он офицера, кланяясь и, вздохнув с облегчением, вышел на крыльцо.

Никого вокруг не было видно. Грибанов зашел за сарай. Место он определил правильно. Орлов его дожидался там.

– Ну, что скажешь?

– А что сказать? Пернонен только из байни пришел, кофий пьет. Полицаев в его половине нету. Только вот черт принес его свояченицу. Она дочку к нему из Йоэнсу привезла. Мать, стало быть, жена его, погибла на прошлой неделе, когда Советы город бомбили. А больше родни нету, вот она девчонку и привезла. Пять лет ей всего. Они в боковой комнате расположились. Свояченица, собиралась сегодня обратно в Кяппесельгу, боязно ей здесь оставаться.

– А за девчонку ей не боязно?

– Бог ее знает, она ведь дочь, всё же с отцом оставляет, а сама обратно, к своей семье.

Пернонен даже лошадь распрягать не велел. Возчик сейчас с полицаями ужинает.

– А вот это славно, – смекнул Орлов. Где они эту лошадь держат?

– Так, поди, в колхозной конюшне.

– Значит так. Колганов, пойдешь в конюшню. Если охраняет ее кто, сними часового. Только без шума. Телегу или что там у них, в упряжи стоит, держи наготове. Других лошадей, что еще стоят в конюшне, сумей так стреножить, чтоб сразу отвязать не смогли.

Один из его провожатых исчез в темноте.

– Иволгин, ты с автоматом, займи позицию рядом с казармой, где шюцкоры расположились. Когда заваруха начнется, с полицаями я сам управлюсь, а ты шугани их, когда они тревогу объявят, чтобы охоту отбить за нами гнаться. Потом беги к конюшне. Я после акции тоже туда подтянусь. Попробуем вместе оторваться. Если они опомнятся, длительного боя нам не выдержать. Силы не те, да и задачи другие есть.

– А я что? – спросил Грибанов.

– Домой иди. Мать, поди, заждалась.

– Прощайте, Алексей Михайлович...

Орлов вынул пистолет из кобуры, передернул затвор и сунул оружие за пазуху. Потом он достал из вещмешка большую противотанковую гранату и вставил в рукоятку детонатор. Теперь назад пути не было. Он поднялся на крыльцо и решительно шагнул в комнату коменданта. Увидев вошедшего, он изменился в лице и поднялся во весь рост. Крупное чисто выбритое его лицо побледнело и покрылось капельками пота. Вокруг шеи нательная рубашка начала темнеть.

– Кука синэ олэт? – прохрипел он. – Менэ пойс!

Орлов выхватил из отворота телогрейки пистолет и молча махнул стволом, показывая, чтобы он отошел от стола.

– Документы где? – спросил он коменданта.

– Таккументы? О, хювя... уммерта. Папирен?

Он показал левой рукой на полку, что была прибита к стене. Рядком на ней стояли папки с разноцветными корешками. Одновременно правой рукой капитан Пернонен начал выдвигать верхний ящик стола. Разведчик искоса глянул на полку, внимательно наблюдая за финским офицером, и перехватил его взгляд, брошенный на черный кожаный портфель, стоявший у стола. Вдруг дверь справа от Орлова, заскрипев, приотворилась. Оттуда в длинной ночной рубашке выглянула девочка лет пяти, шурясь от яркого света. Они оба обернулись на это явление. Комендант, изменившись в лице, закричал девочке: – Эйла, юоксе! Партисанен!

Одновременно он выдвинул ящик стола и выхватил оттуда «Парабеллум». Орлов на долю секунды опередил его пулей из «ТТ», которая навывлет пробила шею коменданта.

---

⁴ Большое спасибо, господин капитан (фин.)

В комнате полицейев послышался топот сапог. Разведчик метнул свою большую гранату, уже уставшей ее держать левой рукой, в начавшую, было, открываться дверь, и упал ничком на пол возле стола. Противотанковая граната попала в косяк двери. Взрыв ее был ужасен. Стоявший за сараем с автоматом наготове Иволгин, даже присел, когда от взрыва из всех окон с левой стороны дома с пламенем и оглушительным грохотом вылетели стекла, а потом оттуда повалил дым. Из распахнувшейся двери комендатуры выбежал, мотая головой, но с черным портфелем в одной руке и пистолетом в другой, командир их группы. Он почти добежал до сарая, когда из двери с тыльной стороны дома на крыльцо в расстегнутом кителе выскочил полицейский с карабином в руке.

– Партизаны! – истошно завопил он, взглядываясь в темноту.

Иволгин вскинул ПППШ и ударил очередью по белому пятну исподней рубахи, хорошо различимой в прорехе черного кителя полицейя. Тот, словно споткнувшись, свалился боком с крыльца.

– Бежим к конюшне, – бросил товарищу на бегу Орлов.

Когда они пробежали мимо школы, которая была превращена в финскую казарму, оттуда уже начали выбегать солдаты с винтовками в руках. Как назло луна полностью вышла из-за облака и теперь освещала посёлок не хуже прожектора. Финны заметили движущиеся тени. Да еще собаки залаяли рядом с ними, будь они не ладны. Забухали винтовки. Несколько пуль выбили шепки из дома, за который они успели спрятаться.

– Я же тебе приказал, – упрекнул разведчика командир, чтобы ты казарму под прицелом держал.

– Так я за Вас боялся, от полицейев прикрывал. Я их пыл сейчас остужу немного.

Он сдернул у себя с пояса гранату Ф-1 и, на мгновение, высунувшись, из-за дома, швырнул ее в сторону преследовавшего их врага. Граната оглушительно лопнула в конце улицы, вспышкой осветив согнувшиеся фигуры с винтовками. Иволгин наугад полоснул в их сторону из автомата. Они с Орловым побежали огородами к конюшне, и уже не слышали, как кто-то из врагов вскрикнул, а кто-то громко стонал и ругался: «Са-атана, перкеле!».

Возле конюшни, вот удача, на облучке тарантаса с рессорами, а не просто на телеге, запряженной высоким жеребцом, сидел их товарищ, взглядываясь в темноту и держа наготове автомат. Запрыгнув на телегу, Орлов скомандовал:

– Давай, уходи по улице налево. Площадь финны перекрыли.

Жеребец после удара кнутом рванул с места так, что комья земли полетели у него из-под копыт, а седокам пришлось вцепиться в поручни.

Сквозь мелькавшие деревья разведчикам видно было, что кто-то из финнов бежит им наперерез по боковой улочке и не успевает. Повозка с грохотом пролетела в пяти шагах мимо финского солдата. Тот выскочил на дорогу, упал на одно колено и вслед беглецам бухнул выстрел из маузеровской винтовки, потом второй. Иволгин схватился за руку и простонал:

– Кажись, меня зацепило.

Километра через три Колганов перестал нахлестывать жеребца, и они поехали дальше размашистой рысью, удаляясь от поселка в сторону деревни Уница.

Между тем финны и оставшиеся в живых два полицейя, один из которых был легко ранен в голову, с фонарями начали обшаривать посёлок. Почти сразу они наткнулись на спрятавшегося рядом с комендатурой, трясущегося от страха Грибанова.

– А ну, иди сюда, недобиток партизанский.

Тот вышел с поднятыми руками.

– Да это же я Грибанов, я бригадиром у вас. Мимо вот проходил, а тут стрельба.

Увидев, что полицейя достал наган из кобуры, он упал на колени и заплакал: «Клянусь вам. Я же верой и правдой за новую власть».

– Хватит врать. Ты же рыбу коменданту только что заносил, не успел из дома выйти, как убивец этот подоспел. Ты его и навел. Это же дружок твой был, а может сродственник? А ну, говори, падла! Пулю слопаешь, если врать будешь!

Усатый полицейский сунул ствол нагана Грибанову в рот, выбив один зуб, и взвел курок. Тот затрясся от ужаса.

– Я всё скажу. Они меня заставили.

– Кто они? Орлов это и его дружки.

– Что за Орлов?

– До войны в милиции служил. Был тут участковым уполномоченным. Он у них за главного.

– Сколько их было? Кто еще с ним?

– Еще двое точно. Я их не знаю. Орлов говорил, что у него родня в Великой Губе. Петр Мунаков, они у него остановиться хотели.

– Ясно.

«Херра каппралли, тулэ тьянне», – подозвал усатый пожилого финна с нашивками на рукаве. Он заговорил по-фински, очевидно передавая ему полученную информацию. Тот согласно кивал головой, показывая, что понял, а потом побежал в комендатуру и начал звонить начальнику гарнизона.

– Они что, у тебя дома отсиживались? Продуктами, небось, партизан снабдил?

– Нет, что вы, они с озера пришли.

– Ладно, иди домой и сиди тихо. Завтра следователь финский приедет, ему все и расскажешь.

Ночью преследовать советскую диверсионно-разведывательную группу финны не решились. Однако все посты и гарнизоны Заонежья были предупреждены об опасности ее появления. След Орлова с товарищами затерялся в лесах Карелии. Время от времени только, то там, то здесь взлетали на воздух мосты, кто-то перерубал телефонные линии, в деревнях загорались фуражные склады и расклеивались листовки. Сначала финны полагали, что это дело рук неуловимого Орлова с товарищами. Вскоре оккупационные власти где-то добыли его портрет. Во всех деревнях и поселках он был развешен в видных местах вместе с объявлением награды за его голову в десять тысяч марок. Но иногда такие акты совершались в нескольких местах одновременно. Это уже начинало действовать организованное им подполье. В некоторых деревнях, таких, как скажем Мунозеро, десятки людей знали, что Орлов пришел подкрепиться и в баньке помыться, но финнам об этом никто не сообщал. Не было на всю деревню ни одного предателя. Зато регулярно на связь выходила неуловимая радиостанция, которая посылала шифровки о дислокации противника в разведцентр.

Возвращение

Прошло больше месяца, когда Орлов получил приказ из центра возвратиться на советскую сторону. Когда группа пробиралась через линию фронта, с неба уже начали сыпаться «белые мухи», как говорили карелы. Вот тогда-то их и засекли. Финны после первого же снега использовали тактику российской пограничной стражи. Некоторый опыт полученный ими, когда Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, они использовали весьма успешно. Вокруг каждого населенного пункта они образовывали контрольно-следовую линию. Пока снег был неустоявшимся, это была дорожка следов дежурных нарядов. Когда снега выпадало побольше-это уже была лыжня. Каждое ее пересечение фиксировалось. Тщательно проверяли, что за нарушители режима появились в зоне их действий. Поисковая группа финнов вцепилась в них бульдожьей хваткой. Разведчики шли, минуя дороги, по болотам, уже вторые сутки. Хорошо еще, что у противника не было розыскных собак, но следопыты у них были опытные, а упорства им было не занимать. И те и другие не могли себе позволить отдыхать больше, чем пятнадцать минут. Они шли по компасу, выбрав примерное направление в сторону Пудожа, временами постреливая с холмов по своим преследователям. Финны тоже шли без подкрепления. Когда у Орлова, от усталости поплыли зеленые круги перед глазами, он сбросил с себя рацию в болото, а Колганов утопил комплект питания весом с полпуда. Остался последний бросок через болото, за которым полоса проволочных заграждений, а за ними такая долгожданная советская земля, зарывшись в которую, в окопах их ждали боевые друзья.

Проклятое болото было не только топким, но почти без растительности. Редкие кустарниковые березки и чахлые сосенки, которые не доставали им до пояса, были неважным укрытием от чужих глаз. Финны же наоборот взобрались на лесистый бугор, уже преодоленный разведчиками. Расстояние резко сократилось. Тут и ужалила сержанта Колганова в голень финская пуля. Охнув, он упал в болото и скрипел зубами от боли. Орлов ошупал его ногу и понял, что дело плохо. У разведчика была перебита кость голени. С такой ногой никуда не уйдешь. На месте в этом болоте стоять было нельзя. Моментально начинала выступать из-под моха вода, и человек медленно тонул в торфяной жиже. Метрах в пятидесяти виднелось не большое каменистое возвышение метров, похожее на затонувшую вверх дном лодку, с мшистым валуном посередине. Туда они с Иволгиным и оттащили товарища. Кривясь от боли, Колганов взглянул им в глаза. Разведчики поняли друг друга без слов.

«Гранаты оставьте... Михалыч, я задержу их», – скрипя зубами, преодолевая боль, выдавил из себя партизан. Они сбросили возле него все лишнее. Себе оставили только автомат с тридцатью патронами у Иволгина и пистолет у Орлова, да еще захваченные у врага документы. Три диска к автомату, да три гранаты, вот все, чем теперь измерялся срок жизни Степана Колганова. Они обнялись с ним и пошли на восток, не оборачиваясь и утопая в заснеженном болоте. Это была последняя их возможность оторваться от преследователей. Через полчаса со стороны болота донеслось стрекотание автомата и буханье винтовок. Потом раздались взрывы гранат. А затем наступила тишина.

В темноте разведчики преодолели заминированные заграждения и столкнулись с красноармейцами из боевого охранения. Закончился очередной рейд, который продлился больше месяца. Когда утром Начальник войсковой разведки объявил Орлову и Иволгину благодарность командования фронтом, они, привычно откозыряв, отчеканили: «Служим трудовому народу!»

Эпилог

С Алексеем Михайловичем Орловым мне довелось встретиться 9 мая в год 30-летия Победы. Крепкий, пожилой мужчина, с множеством орденов и медалей на темно-синем пиджаке гражданского покрова привлекал внимание и ветеранов, и молодежи. Меня представил ему ветеран войны из нашего управления, с которым они были давно знакомы. Орлов охотно отвечал на мои вопросы, но его другие постоянно прерывали, поскольку очень многим хотелось с ним поздороваться, вручить живую гвоздичку или просто пожать руку. Узнать мне хотелось многое и подробно. Договорились мы с ним встретиться уже в день освобождения Петрозаводска в конце июня. Официальные мероприятия в этот день закончились быстро и вскоре Орлов, как и обещал, пришел на Набережную.

Заговорили о войне. Вспомнили партизан. Товарищ мой спросил у Алексея Михайловича:

– А Вы давно бывали в Ламбас-Ручье, Великой Губе, Кяппесельге, там где ходили тропами разведчика?

– В Кижях был в прошлом году, а в этих местах давно не доводилось, считай с войны.

– Если хотите, можем прокатиться. Погода хорошая, да и вспомните молодость.

– Так это же далеко. На машине километров двести пятьдесят добираться. По плохой грунтовке весь день уйдет, а то и два.

– Можно и быстрее. Думаю, гораздо быстрее уложимся. Пойдемте к причалу.

Вскоре мы уже мчались на милицейском катере, на подводных крыльях в сторону Ламбас-Ручья. Высадились на теплоходной пристани.

Орлов вспоминал, где, как и что происходило. Сопровождал нас молодой председатель сельсовета, он и давал необходимые разъяснения.

– Здесь конюшня была.

– Сгорела от молнии года три назад.

– В школе финская казарма была.

– Отремонтировали. Занятия там идут. Сейчас, правда, каникулы, так закрыта.

– Вот тут комендант Пернонен жил, – глянул он на красный флаг над домом.

– Сельсовет там сейчас, зайдемте.

Мы зашли впятером. За нами уже потянулись любопытные ребятишки.

Орлов, огляделся в комнате.

– А стол тот же самый, – сказал он, глянув на двухтумбовое дубовое сооружение, – на него тогда взрывная волна пришлась и дверям досталось, – погладил он посеченное осколками, крепкое свежавыкрашенное дверное полотно.

– Где вы высадились, помните?

– Конечно, вон в конце деревни.

Мы подошли к старой баньке на берегу. Из-под крыши ее валил дым, банька топилась по-черному. Была суббота и, похоже, хозяин дров не жалел.

Из баньки вышел сгорбленный старик и опираясь на палку, прихрамывая, пошел было к дровянику.

– Здоровы будете, Василий Степанович, – поздоровался с ним председатель.

– А, это ты, Гришаня, ну здравствуй, – ответил ему тот, подслеповато вглядываясь в него и нашу группу.

– Вот тут товарищи интересуются партизанами. Как комендатуру разгромили, Вы же тогда здесь жили. Помните, наверное?

– Как же не помнить, – он сел на колоду и оперся двумя руками на свою суковатую палку.

– Орлов тогда, участковый наш с товарищами это совершили. Вечная им память. А финны потом всю деревню перешерстили. Человек десять арестовали как пособников и в лагерь отправили.

– А Вас не тронули?

– Плетей и мне досталось, шрамы до сих пор есть, но я молчал, никого не выдал.

– Вот бы Вам с Орловым снова встретиться?

– Да, было бы что вспомнить. Это я ведь тогда его обогрел, еды на дорогу дал, на коменданта вывел.

– Так тебе, Грибанов, может орден надо было дать? – не сдержался Орлов, подойдя вплотную к старику.

Тот вскочил, опираясь на палку и, широко открыв глаза, всмотрелся в говорящего: Алексей Михайлович, живой значит?

– Живой как видишь, а вот Мунакова Петра в Великой Губе повесили, хотя он мне родственником не был, а наоборот, с финнами сотрудничал. Ошибочка у них вышла. Значит, Родина не оценила твой подвиг?

– Почему же? Восемь лет отсидел от звонка до звонка.

– Мы на его реабилитацию документы послали, вмешался председатель, – вы же знаете сколько тогда невинных людей по чужим наветам во «враги народа» записали и по 58 статье в лагерь отправили. Сейчас многих уже реабилитировали.

Подошел в это время рослый белобрысый, синеглазый парень, лет двадцати пяти. Поздоровался со всеми за руку.

– Видишь, Лёша, с отцом твоим про войну вспоминаем, – пояснил ему наш разговор председатель. Он нам представил парня: «Это Грибанов младший, Алексей Васильевич. Перспективный парень. Сельхозтехникум окончил, армию отслужил, бригадиром теперь на полевых работах».

– Бригадиром? – вскинул на него пытливый взгляд Орлов, – ну, что ж, дело хорошее.

– А вы разведчиком были? – парень восхищенно смотрел на ветерана и его награды. Глаза его не могли оторваться от знака «Почетный чекист», который сверкал на лацкане синего пиджака.

– Был.

– Вам повезло. Я бы тоже в разведчики пошел. А отец, вот здесь, в оккупации был. Хлебнул он горя. Бывает, кричит во сне, а то проснется ночью и сидит возле бани курит. Я ему всегда говорил, что правда, она свою дорогу найдёт. А в прошлый год к нам финны приезжали. У нас ведь с ними дружба. В гости звали, хотя опытом делиться. Сельское хозяйство у них, ведь и правда, на высоте. Через неделю наша районная делегация в Йоэнсу едет и меня включили.

– В Йоэнсу, говоришь? Да, меняются времена.

Наш катер, выйдя из залива, набрал обороты и поднялся на крыло. Под звон колоколов Кижского собора, вздымая волны, понесся он к Петрозаводску. С кормы в лучах заката хорошо была видна сгорбленная фигурка старика, сидящего возле бани на колоде, вскоре она стала неразличимой и пропала из виду совсем.

Петрозаводск, 2010 г.

В прицеле

Детство кончилось

Когда началась война, Лие исполнилось шестнадцать лет. Она только что окончила 9 классов и уехала на каникулы к бабушке. Ей нравилось в карельской деревне проводить лето. Она родилась там и до пяти лет прожила. Потом ее отца перевели по службе в Саранск, пришлось уехать вместе с ним и Лие с мамой. Деревенька, где был бабушкин дом, стояла на реке Олонке недалеко от Ладоги, куда с местными ребятами она ходила купаться. Всем сердцем девчонка любила и бабушку, и ее деревеньку, и все, что ее окружало. В Саранске, были у нее и подруги, и друзья, но возвращаться каждый раз сюда, где все было с детства знакомым, всегда особенно приятно. Здесь в деревенском бревенчатом доме с огромной русской печкой даже запах был другой. А как ей нравилось с соседскими девчатами ходить на вырубку за малиной и слизывать с блюдечка пенки от только что сваренного варенья, которое так мастерски делала ее бабушка. А как вкусны были карельские ватрушки из ржаной муки с картошкой, у которых было смешное название: «калитки». Это было объеденье, особенно если были они горячими, только что из русской печки и со свежим маслом.

Сообщение о войне свалилось на деревню из черного репродуктора на столбе, как гром среди ясного неба. Сразу вся жизнь пошла как-то по-другому. Беззаботное детство кончилось. У взрослых сделались лица озабоченными, а сводки Информбюро приносили все более тревожные вести. Обсуждала нахлынувшую на страну беду даже школьная детвора.

Ведь еще совсем недавно, когда они учились в школе, то собирали металлолом для Красной армии и флота. Одни собирали его на строительство танка, другие на сторожевой корабль. Среди взрослых тогда проводились денежные сборы: «На постройку истребителя» или «на новую подводную лодку».

С некоторыми странами у СССР был заключен мирный договор, однако все знали, что должны быть готовы воевать и относились к этому серьезно. Школьники гордились друг перед другом значками ГТО, ОСАВИАХИМ, спортивными разрядами и пели песни, которые слышали каждый день по радио: «Если завтра война, если завтра в поход...» или «От тайги до Британских морей Красная армия всех сильнее».

Лия, как и ее сверстники, была уверена в том, что Красная Армия непобедима и врага мы будем бить только на его территории.

В кинотеатрах тогда крутили фильм «Трактористы». И взрослые, и подростки обожали этот фильм, а девчонки влюблялись в лихого артиста Николая Крючкова, который прыгал на танке через мосты и давал полторы нормы на тракторе. Была, правда, недавняя Финская война о которой взрослые не очень любили рассуждать. Говорили. Что потери у нас были большие. Но ведь главное было то, что СССР одержал очередную победу и присоединил к себе ряд финских территорий. Значит, мы опять победили, значит у нас самая лучшая армия. Лихо, распевая о том, что «...маршал Ворошилов – первый красный офицер, сумеет постоять за СССР!», все верили в это утверждение безоговорочно.

Когда началась война, с первых ее дней, Лия со сверстниками часто спорили о том, сколько дней понадобится нашей стране, чтобы разбить немцев. Но дни проходили, а сводки с фронтов приходили все серьезнее. Каждый день с напряжением и надеждой в квартирах слушали новости, которые приходили из черной тарелки репродуктора, висящего на стене. Люди, слушая известия с фронта о потерях и оставленных противнику городах, невольно задавали себе вопросы: «Да, как же это могло случиться? Почему армия, которая «всех сильнее» отступает? Где прославленные «сталинские соколы», и как они позволяют бомбить советские города? Но, не всегда эти мысли произносились вслух, чтобы не попасть в число «паникеров и предателей». Включилась вскоре в войну и Финляндия. Уже в августе Ильинский лесозавод,

который был в трёх километрах от бабушкиного дома, попал под первую бомбежку. За Лией приехала мама и увезла в Саранск.

Казалось тогда, что в Мордовии будет спокойно, ведь она южнее и восточнее Москвы, а, стало быть, и война там вряд ли людей коснется. Однако, тяжелое дыхание войны, которая становилась все ближе, там тоже ощущалось всеми. В октябре отца из Саранска перевели куда-то под Москву, присвоив звание капитана. От него пришло за два месяца три коротких письма, а в декабре вместо письма пришла похоронка, и маме вручили денежный аттестат для семьи погибшего офицера. Как сотни других, в составе отдельной стрелковой дивизии он погиб, защищая столицу нашей Родины.

Жизнь в Саранске все больше осложнялась. Продукты в магазинах продавали только по карточкам, а норма была невелика. Жить приходилось впроголодь. В двух школах были развернуты госпитали. Туда привозили раненых. Особенно тяжелых перевозили потом еще дальше, за Урал. После уроков, Лия и ее подруги ходили на курсы медсестер и помогали ухаживать за ранеными бойцами. Люди сдавали кровь для спасения жизни раненых. Женщины, и старые, и молодые, вязали для солдат носки и варежки, иногда на последние деньги покупали махорку, папиросы и все это посылали на фронт. Писали солдатам письма. Все в этой трудной жизни как-то сплотились под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!».

Развернулось среди старшекласников спортивное движение «Ворошиловский стрелок». У Лии и раньше были неплохие результаты по стрельбе. Когда в начале 1941 года в школе сдавали спортивные нормы на значок ГТО, то Лия на занятиях стреляла лучше многих мальчишек. Она записалась в стрелковый кружок и ей вскоре присвоили 2 разряд по стрельбе из малокалиберной винтовки, а потом, после стрельб из настоящей боевой винтовки и звание «Ворошиловский стрелок».

На комсомольском собрании перед выпуском Лия и ее одноклассники решили в военкомат идти всем классом, а там просить, чтобы всех отправили на фронт. Да так и сделали. Военком вышел к делегации и разрешил все их устремления воевать вместе.

– Не торопитесь, ребятки, под пули идти, – сказал он, – не сегодня, так завтра повестки вам вручат, тогда и явитесь. Девчонкам я бы посоветовал поменьше обивать пороги военкоматов. Не женское это дело-война.

Лия пошла работать учеником токаря на электромоторный завод. Тяжело было девчонке, в которой самой весу чуть меньше пятидесяти килограммов, таскать восьмикилограммовые болванки по три десятка за смену, которые еще нужно было обтачивать на станке. Отклонение допускалось не более одной десятой миллиметра. Работу проверял мастер. Десятичасовой рабочий день. За день Лия так уставала от этих болванок, что иногда ей казалось, что руки у нее до земли отвисают. Цены на все поднялись неимоверно. Поэтому Лия и ее подруги все время ходили полуголодные. Платили за работу 900 рублей в месяц. Раз в месяц выбиралась Лия с подругами на танцы под патефон в клуб текстильщиков. Чаше не получалось, уж очень хотелось выспаться.

Однажды, после майских праздников 1943 года, ее лучшая подруга Таня Крутова, которая рядом стояла у станка, сказала: «Пойдем-ка мы Лия с тобой в армию запишемся: и дело новое, и кормят там, говорят, хорошо». Так они и сделали. Выслушали их в военкомате, записали данные и отправили домой. Через неделю Тане пришла повестка, ее призывали в действующую армию санитаркой. Лия, вся расстроенная таким поворотом дела, побежала к военкому и резко выразила ему свою обиду. Он ответил просто: «Настанет и твой черед». В начале июня, получила повестку и Лия. Отправили ее, согласно выписанному предписанию в г. Подольск. Там уже действовала недавно организованная школа снайперов. Точнее она называлась ЦЖШСП – (центральная женская школа снайперской подготовки).

Лия попала во второй набор. Первый только что отправили на фронт. Они еще застали погрузку в последние грузовики девушек в военной форме и махали им вслед руками. В ее жизни начинался новый этап.

Другая жизнь

Настала у Лии, так же как у ее сверстниц, прибывших в эту школу снайперов, теперь совершенно другая жизнь. Началась она с медкомиссии, где заседали строгие военврачи. Врачи в медицинской приемной комиссии были обоего пола. Честно говоря, стоять абсолютно голой перед мужчинами, даже если они в белых халатах и лет им в основном за пятьдесят, ей, девушке воспитанной с детства в строгих правилах карельской деревни, было не по себе. Естественно, что стояла она, переминаясь с ноги на ногу, пытаясь прикрыться листком бумаги, на котором пишут результаты обследования врачи. Даже председатель комиссии прикрикнул на нее: «Что ты там скукожилась, как Венера Милосская? Руки по швам, привыкай к военной выправке». Лия, вспыхнув, вся зардевшись от стыда и смущения, не зная, куда деться.

Выручила ее коренастая девушка, которая стояла в этой голой очереди сзади нее.

– Это ничего, – услышала она звонкий насмешливый голос, – главное, чтобы больше ничего венерического не обнаружили, да и швов, товарищ военврач на ляжках нет.

– Р-разговорчики отставить, – прорычал, привставая со стула, представитель школы, – кто там такой находчивый? Фамилия?

– Вера Курдюкова, – отчеканила она, шлепнув голыми пятками по-гусарски и выпятив свою грудь так, что соски подпрыгнули сантиметров на пять.

– Считай, что первое взыскание уже заработала.

Потом девочкам выдали солдатскую одежду и отправили в баню. Перед баней всех остригли почти наголо, оставив волосы не длиннее полсантиметра. Многие расставались со своими косами с сожалением. Не у всех одежда подходила по размеру, особенно много мучений было с сапогами. У некоторых они были на три размера больше. Однако девочки за время двухнедельного карантина научились и воротнички подшивать, и форму подгонять, и из мужских кальсон трусы себе кроить. Да и сапоги руководство постепенно недели за две заменило, подобрав всем по размеру.

В школе было две роты по сто пятьдесят человек в каждой. Каждый день начинался с километровой пробежки и занятий физзарядкой. Завтрак в столовой, в которую ходили строем непременно с песней, а потом занятия по расписанию: строевая подготовка, изучение знаменитой винтовки – трёхлинейки Мосина, ориентирование на местности, определение расстояний до целей, теория стрельбы. После занятий каждый день была уборка помещений, а еще через каждые день или два – разгрузка дров и эшелонов с мукой или углём. К концу дня курсантки буквально валились с ног от усталости.

Чего греха таить, ведь когда Лия подавала заявление в военкомат, то не только желание реально сражаться с врагом ею руководило. Она думала, что на войне, конечно же, наверное, будет страшно, но хоть ночью удастся выспаться и тяжелые снарядные болванки таскать будет не нужно, а наесться можно будет до отвала.

«Господи, какая же я была глупая!» – вырвалось у нее однажды вслух, когда они лежали в койках после отбоя.

– Что, маму вспомнила? – спросила ее шепотом Вера.

– Вспомнила и маму, и подруг, и танцы в клубе...

– Понимаю. Завтра и мы опять протанцуем версты три под дождичком с винтовками на плече.

У них уже был день присяги, после чего за каждой закрепили личную винтовку. Стрелять и чистить можно было только свою. Начались стрельбы. Стрелять не в тире было нужно, а на стрельбище. До него почти пять километров, которые нужно было пройти в кирзовых сапогах, с винтовкой со штыком, а еще на курсантках была шинель, свернутая в скатку, саперная

лопатка, подсумки с патронами, противогаз и полевая сумка. Отстрелялись и пешком обратно. Это было обязательно до обеда в любую погоду.

Нужно отдать должное кормили в этой школе не плохо. Несмотря на интенсивные физические нагрузки, некоторые девчонки даже начали прибавлять в весе. Толстыми, правда, так никто и не стал.

Учили курсанток не только метко стрелять по мишени. Преподавали основы баллистики, умение выбирать цель, вести наблюдение за объектом, объясняли траектории полёта винтовочной пули, учили заполнять дневник снайпера, основы маскировки и др. дисциплины. Умение маскироваться отрабатывали на местности. Пришлось целые кубометры земли перекидать саперной лопаткой. Через три месяца привезли курсанткам долгожданные снайперские прицелы. Выпускать их только начали. Конечно же, каждый прицел ценился очень дорого, и отношение к нему было соответствующее. Прицелы были четырехкратные, очень надежные, хотя всем объяснили, что лишний раз его не нужно встряхивать и, не дай Бог, уронить винтовку с установленным на нее таким прицелом. Потом была длительная отработка действий снайперов в паре.

В нашей армии это была уже установившаяся традиция. Говорят, что у немцев и финнов, да и в Красной армии в начале войны, многие снайперы действовали в одиночку. После Сталинграда у нас это было исключено. Работала по целям всегда снайперская пара. К этому времени каждая курсантка уже подобрала себе подружку. Так было проще. Ведь лучше всего иметь дело с тем, кому полностью доверяешь.

Лия недолго думала, кого выбрать в напарницы. Ее парой стала та энергичная девчонка, Вера Курдюкова. Родом она была из деревни в Архангельской области.

Первое впечатление, которое она производила, это были: беззаботность и бесшабашность. Однако за ними скрывались огромная выдержка и бесконечное терпение. Враг не мог чувствовать себя спокойно, когда она брала в руки винтовку. Может быть, ей было немного легче, чем Лие. Ведь на охоту у себя Вера начала ходить с четырнадцати лет, а к семнадцати работала по пушнине лучше многих мужиков. Кроме того, она умела постоять за себя. В каждом коллективе всегда идет притирка характеров. Вера с первых же дней дала почувствовать, что с ней лучше не связываться.

– Держись меня, не пропадешь, – сказала ей Вера, когда после бани Лия боролась с непривычными ее ноге портянками. И она почувствовала, что так, наверное, оно и будет. Нехитрую науку наматывания портянок она освоила с помощью подружки в этот же день.

Снайпером быть интересно

В школе натаскивали курсанток хорошо. Стреляли они с инструкторами с разных дистанций и в разное время суток. Частенько на занятиях им говорили, что такая школа в мире единственная. Так, в сущности, оно и было. В таком массовом количестве снайперов не готовили нигде, тем более из вчерашних школьников.

Учили девушек опытные снайперы, которые уже сами прошли школу войны. Снайперскими парами девчата, в любую погоду, часами лежали в ими же открытых ячейках, или временных укрытиях, наблюдая за учебным полем боя. Там были самые разные объекты, Некоторые из них могли двигаться и были еще появляющиеся. Сначала наблюдение вела одна из пары, а через час вторая. Глаза уставали очень. Все увиденное заносилось в дневник. Иногда наблюдение велось с ведением огня, а иногда без стрельбы, но зато с другой стороны в это же время за ними наблюдала другая снайперская пара.

Высшую оценку заслуживал тот, кто сумел первым обнаружить другого снайпера.

«Снайпер обязан... во всех случаях поражать цель наверняка и с первого выстрела... Уметь длительно и тщательно наблюдать за полем боя, настойчиво выслеживая цель... Уметь действовать ночью».

Примерно так было написано в уставе снайпера. Оказалось, что прежде чем попасть на фронт, будущие снайперы еще многое должны были уметь.

После полугодового обучения, Лию и ее подруг по школе, выучили стрелять из всех видов оружия, которое на тот момент было в Красной армии и на вооружении вермахта.

Они стреляли из всего, из чего мог выстрелить один человек, вплоть до ротного миномета. С ними проводили занятия по оказанию медицинской помощи военные фельдшеры, прошедшие практику на поле боя и многие курсантки могли оказывать ее не хуже медсестер. Обучали девчат и штыковому, и даже рукопашному бою. Однако главным было умение обнаружить нужную цель, уничтожить ее и моментально сменить позицию.

Маскировке на поле боя курсанток учил капитан Трофимов, прошедший школу трех лет боев в двух войнах командиром дивизионной разведки и взвода снайперов. Будучи теперь старшим преподавателем, передавал он им свои премудрости и частенько говаривал: «Жизнь у снайпера очень интересная. Это тебе не ездovým полевую кухню за лошадью возить. Снайпер многое видит, многое знает, от него часто бывает, зависит жизнь других людей. Но в случае ошибки, выжить ему трудно чрезвычайно. Ошибки бывают разные. Промаш по цели это плохо, дать себя обнаружить – плохо вдвойне, поскольку с этого момента начинается уже охота на тебя. Как правило у снайпера в реальной обстановке есть возможность с одной позиции выстрелить только один раз. Больше не дадут. Но самая большая беда – это дать себя захватить. Учтите, снайперов не просто не любят, их ненавидят лютой ненавистью. На практике снайпер, взятый в плен, живым никогда не остается. Как „язык“ он стоит немного. Смерть их всегда ждет мучительная и командиры на это закрывают глаза. Наш снайпер, на участке обороны, где я воевал, попал в плен после контузии от минометного обстрела. Когда, после атаки, мы вновь заняли вражескую позицию, то нашли его убитым. Смерть была мучительная: глаза выколоты, пальцы на руках отрублены. На прикладе его винтовки было 18 зарубок, так вот столько же мы насчитали на его теле штыковых ранений. Что приходится испытать на себе снайперам – женщинам в случае пленения, можете догадаться сами, их ненавидят вдвойне».

Девчата слушали его всегда с пристальным вниманием и часто интересовались действиями вражеских снайперов. Узнав, что он воевал на Карельском перешейке еще в 1939 году, расспрашивали его и о действиях женщин – «кукушек» во время Финской войны, о которых в войсках ходили легенды. Он презрительно хмыкнул:

– Не знали на кого наши потери списывать, вот и изобретали сказки. Сами, сейчас подумайте, после того как вы столько умеете, вы бы полезли на дерево, чтобы оборудовать снайперскую позицию? На чем там держаться? Помост, как на медвежьем лабазе строить для вас никто не будет, его же видно за километр. Нужна будет вам подвесная система, типа парашютной. Но сколько на ней провисишь, ожидая противника? Опять же, после выстрела, позицию поменять быстро будет невозможно и снайпер сам превратится в мишень. Да и не было в финской армии штатных женщин-снайперов. Просто снайперы были, да и те из бывших охотников и спортсменов. Мы пленных досконально допрашивали. То, что их женщины иногда в нас стреляли, можете не сомневаться. Это было. Только они входили или в отряды самообороны, или были из вспомогательных служб, а то и просто свой хутор с винтовкой защищали. У нас тоже медсестры иногда вынуждены были за винтовку браться. Не нужно всему верить, что в газетах пишут. Вот вы это другое дело. Для вас это уже военная профессия».

А с фронтов приходили дивизионные газеты и выписки из приказов и сводки потерь. Радуюсь за своих однокашниц из первого выпуска, награжденных орденами и медалями, о которых писали газеты, они видели и цифры боевых потерь. А их среди снайперов было не мало.

Выпуск школы состоялся в марте 1944 года. Лия с подругами сфотографировались в строю и каждая еще для «личного дела». По такой же личной фотке 6х9 дали им на память. Лия свою послала тете в деревню, попросившись на оборотной стороне ее с родней. Потом было последнее построение, торжественный марш под оркестр, праздничный ужин, на котором были и колбаса, и жареные куры, и даже вино. Были и танцы под патефон – «шерочка с машерочкой», как тогда говорили, или с немногими приглашенными офицерами. Прощание с преподавателями школы, снимки на память и отправка на фронт. Точнее на разные фронты их всех раскидали. Лию и еще сорок пять девчонок отправили на 1-й Прибалтийский фронт.

Жизнь фронтовая

Вскоре Лия с подругами в теплушке военного эшелона ехала в сторону Витебска. При каждой был сухой паек на трое суток, закрепленная еще в снайперской школе, винтовка с оптическим прицелом и военное обмундирование, то, что на них было одето. Ехали первые полдня весело. Вспоминали детство, школьные годы, пели песни. Хотя порой червяк сосал где-то в груди: «Как там оно будет на фронте?» Особенно это чувство обострилось, когда эшелон начал проезжать мимо городов и деревень, через которые прокатилась война, после того как они подвергались бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Тяжело было смотреть на сожженные хаты, от которых остались только трубы торчать, или разбитые в ходе боев остатки кирпичных зданий.

Прикомандировали их команду к стрелковому полку 4 ударной армии. Армия тогда находилась в обороне и готовилась к предстоящему наступлению.

Лия рассказывала: «Встретил нас на станции майор с тремя грузовиками – полуторками «Газ-ААА», в пятнах белой краски по кабине и бортам, – рассказывала мне она.

Через час езды по разбитой грунтовке подъехали машины к штабу армии.

Майор отдал нам команду построиться в две шеренги. Из здания штаба вышли несколько офицеров. Один из них, со звездами полковника, скептически оглядел наше юное женское воинство и крикнул от досады. Потом последовала цветистая речь, начинающаяся со слов «... твою мать!». Если перевести его тираду на общечеловеческий язык, то означала она примерно следующее: «... обещали полсотни классных специалистов по ведению борьбы с противником в обороне, а направили к нам на много меньше. Да еще вместо боевых людей прислали сорок б**дей, да и те не поймешь, то ли могут что-то, то ли нет».

– А вы попробуйте! – не стерпела встрять Вера Кордюкова.

– Да уж, попробуем, не сомневайтесь. Майор Зернов, – обратился он к офицеру, который их привез, – трое суток вам, чтобы пополнение нормально влилось во фронтовую жизнь. Оформите аттестаты, поставьте на довольствие, разместите, оцените навыки прибывших и раскидайте их по полкам, а то на эту группировку сюда все «донжуаны» армии сползутся, как мартовские коты, тем более что до апреля четыре дня осталось, а до начала наступления, стало быть, семь. Все ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.